

— В тебе холодный яд, и ты называешь это «скоро пройдёт»? — Фэн Момин нахмурился. — На задней горе есть лекарственный источник. Побудь там три дня, и всё пройдёт.

— Отец! — Фэн Тяньин возмутилась. — Почему ты так к нему добр? Лекарственный источник — святое место Цюнцан, как ты можешь позволить этому грязному существу его осквернять!

— Замолчи! Как ты, девушка, можешь так говорить? Он твой младший брат, будь вежлива! — рассердился Фэн Момин.

— Наставник, — тихо сказал Се Линьюань, — вы слишком возвышаете Тяньхуаня. Старшая сестра права, не стоит делать из этого большого события. Простуда — обычная болезнь смертных, через несколько дней пройдёт. Не стоит осквернять священный источник.

Фэн Момин разозлился:

— Я здесь наставник или ты? Обсуждению не подлежит. — Затем он повернулся к Чжао Тяньхуа:

— Тяньхуа, отведи Тяньхуаня туда.

Чжао Тяньхуа кивнул, украдкой взглянув на почти плачущую Фэн Тяньин, и шепнул Се Линьюаню:

— Тяньхуань-шиди, пойдём. Не стоит отвергать доброту наставника.

Се Линьюань мог только согласиться и последовал за Чжао Тяньхуа к лекарственному источнику.

— Старшая сестра, наверное, в ярости. Я вернусь и успокою её. Тяньхуань-шиди, не сердись на неё. Она просто капризная, но добрая внутри.

Се Линьюань улыбнулся:

— Не буду. Шисюн, иди. Я справлюсь один.

— Хорошо. Через три дня я за тобой вернусь.

— Да.

Когда Чжао Тяньхуа ушёл, Се Линьюань сел у края источника. Пар от воды принёс ему непривычное облегчение. Он медленно развязал пояс и погрузился в тёплую воду. Окутанный теплом, он почувствовал странное чувство принадлежности. Шрамы на его теле, уже зажившие, начали зудеть. Он смотрел, как красные следы на руках постепенно исчезали, и не мог сдержать лёгкой улыбки.

— Как чудесно, — прошептал он. — Они действительно исчезают.

Через три дня, когда Се Линьюань собирался выйти из воды, он услышал шорох шагов.

— Тяньхуа-шисюн, подожди немного, я оденусь.

Но вместо ответа Чжао Тяньхуа рука легла на его плечо. Она скользнула вниз по спине, и Се Линьюань вздрогнул, инстинктивно отстранившись.

— Кто... наставник?

— Тяньхуань... я... я никогда не чувствовал такого раньше. Я полюбил тебя с первого взгляда...

В сердце Се Линьюаня поднялась волна отвращения. Он быстро выбрался на берег, накинул на себя одежду и холодно спросил:

— Наставник спас меня, потому что любит?

— Я... — Фэн Момин смотрел на кожу Се Линьюаня, розовую от тепла воды, и его разум помутнел. Он бросился к нему, обнял и начал целовать его шею.

Се Линьюань, не обращая внимания на упавшую одежду, отчаянно сопротивлялся:

— Я не хочу! Отпусти меня!

Фэн Момин в ярости ударил его, сбив с ног, и сквозь зубы прошипел:

— Тяньхуань, я так хорошо к тебе относился, я спас тебе жизнь! Ты... ты ведь этим и занимался, я не презираю тебя. Теперь... считай это возвращением долга.

— Возвращением долга? — Се Линьюань замер, а затем внезапно рассмеялся. Жить — значит отдавать тело, мстить — значит отдавать тело, возвращать долг — тоже отдавать тело. Се Линьюань, твоё тело действительно не пропало даром. Уличным хулиганам оно нравилось, знати нравилось, дикарям нравилось, и даже бессмертным.

— Ха-ха-ха... ха-ха...

Фэн Момин испугался:

— Ты чего смеёшься?

Се Линьюань поднял на него глаза, в которых блестели слёзы унижения:

— Ничего, наставник. Я смеюсь над своей нелепостью.

Он лёг на землю и холодно сказал:

— Давай. Возвращай долг.

Фэн Момин, обрадованный, быстро сбросил свою одежду и бросился на Се Линьюаня, его руки скользили по гладкой коже. Се Линьюань лежал, как мёртвый, без эмоций. Он наконец понял, что Небо никогда не миловало его, а лишь играло с ним, давая надежду, чтобы потом отнять, снова давая, чтобы снова отнять. Любой, кто вытаскивал его из грязи, делал это лишь ради удовольствия снова его туда втоптать.

— Вы... что вы делаете!

Крик Фэн Тяньин разбудил Фэн Момина, но не Се Линьюаня. Он продолжал лежать, без стыда, без страха, без беспокойства.

Фэн Момин быстро сообразил, поднял его и сильно ударил по лицу:

— Негодяй! Я так тебе доверял, думал, что ты исправишься, а ты продолжаешь свои грязные

дела!

— Отец! — Фэн Тяньин бросилась к нему, за ней следовал Чжао Тяньхуа. — С тобой всё в порядке?

Фэн Момин похлопал её по руке:

— Со мной всё в порядке.

Фэн Тяньин посмотрела на раздетого Се Линъюаня, смесь стыда и гнева захлестнула её:

— Ты посмел соблазнить моего отца! Собака возвращается к своему! Я убью тебя! — Она выхватила меч и бросилась на Се Линъюаня.

Се Линъюань усмехнулся, поднял голову и закрыл глаза, ожидая, когда меч пронзит его горло.

Но вместо этого раздался звон металла. Се Линъюань не почувствовал смерти.

— Старший... старший Шэнь...

Шэнь Мобай отбил меч Фэн Тяньин и посмотрел на Чу Тяньсюя. Тот понял намёк и шагнул вперёд:

— Се Линъюань — ученик Цюнцан, его нельзя казнить без суда. Старший Фэн, вы согласны?

Фэн Момин покорно кивнул:

— Старший прав. Но, старший, почему вы здесь?

— Наставник планировал начать здесь затворничество сегодня, но, похоже, придётся отложить на несколько дней.

— Наставник может продолжать свои практики. Этот негодяй — я сам разберусь.

— Старший Фэн, вы ошибаетесь. Простой смертный не стоит времени наставника. Но вода в источнике загрязнена, нужно подождать несколько дней, пока она не очистится.

Фэн Момин поспешно согласился. Фэн Тяньин подбежала к Шэнь Мобаю, плача:

— Старший Шэнь, Се Тяньхуань должен умереть! Вы должны наказать его!

Шэнь Мобай проигнорировал её, лишь толкнул одежду Се Линъюаня ногой:

— Оденься.

— Благодарю старшего Шэня за эту милость. — Се Линъюань усмехнулся, неторопливо оделся, поправил волосы и поклонился Шэнь Мобаю. — Старший Шэнь, как вы накажете Линъюаня?

— Я никогда не был пристрастен. Всё это правда?

Се Линъюань улынулся.

— Господин Янь, какая встреча. Мы снова видимся.

Янь Янь с трудом открыл барьер. Его силы были на исходе, даже такая простая задача

давалась ему с трудом. Но он наконец смог увидеть того, о ком так долго думал. Год не виделись, но тот человек всё так же улыбался, несмотря на всю печаль в сердце.

— Сяо Юань, я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Я знаю. Но я могу только разочаровать тебя.

Се Линьюань подошёл к нему, мягко коснулся его щеки и, глядя в его глаза, тихо сказал:

— Господин Янь, год не виделись, ты так похудел.

Янь Янь колебался, затем взял его руку:

— Да? Я тяжело болел.

Се Линьюань не отнял руку, лишь с любопытством спросил:

— Бессмертные тоже болеют?

— Да, все болеют.

— Правда? В Цюнцан они не болеют. — Се Линьюань опустил глаза. — Нет, они все больны.

Се Линьюань опустил руку, но Янь Янь продолжал держать её. Он не возражал, лишь смотрел на руку Янь Яня с горькой улыбкой:

— Господин Янь, я должен признать свою вину.

— Сяо Юань, старший Шэнь справедлив, зачем тебе признаваться?

— Зачем? Да, зачем. — Се Линьюань грустно прошептал:

— Если я не признаюсь, даже если старший поверит мне, кто ещё поверит? Люди верят только в то, во что хотят верить. Фэн Момин уважаем, если его накажут, разве здесь останется место для меня? В конце концов, это просто добавит ненавистников, клеветников и обвинений. Зачем? Я слишком молод и слишком наивен. Моё прошлое, моё пятно, никогда не исчезнут. — Се Линьюань посмотрел на Янь Яня с насмешкой. — Господин Янь, это моя вина.

Янь Янь смотрел на Се Линьюаня, и вдруг, словно под влиянием какого-то порыва, сказал:

— Сяо Юань, могу я обнять тебя?

<http://bllate.org/book/15548/1413654>